

Частный детектив
Татьяна Иванова

МАРИНА СЕРОВА

Ее настоящее
ИМЯ

Повесть

Пока сияют
звезды

Повесть

Эксмо

Частный детектив Татьяна Иванова

Марина Серова

Ее настоящее имя

«Научная книга»

2007

Серова М. С.

Ее настоящее имя / М. С. Серова — «Научная книга»,
2007 — (Частный детектив Татьяна Иванова)

Странные штуки выкидывает любовь! Только когда обожаемая Оленька в один прекрасный день пропала, хирург Писаренко сообразил, что толком ничего о ней не знает. Даже не имеет понятия, откуда приехала в их город скромная маникюрша. Впрочем, для таких загадочных дел и существует знаменитый частный детектив Татьяна Иванова. Но все не так просто! Едва Таня выяснила, куда сбежала возлюбленная хирурга, настоящее имя девушки, где она выросла и что натворила, как неуловимая незнакомка пропадает снова...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	16
Глава 4	22
Глава 5	28
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Марина Серова

Ее настоящее имя

Глава 1

Я невольно поглядывала на ухоженные руки моего потенциального клиента, потому что именно с них он начал свою криминальную историю и вот уже минут пятнадцать ни о чем другом не говорил. Александр Станиславович Писаренко был хирургом, профессором, главным врачом клиники. Неужели кто-то собрался лишить его этих рук, спасших сотни, а может быть, даже тысячи жизней? Во всяком случае, другие догадки меня пока не посетили.

– Таня, понимаете, я всегда считал: самое главное – чтобы мои руки были чистыми, стерильно чистыми, – говорил мужчина лет сорока восьми – пятидесяти, отчаянно краснея и никак не решаясь перейти к сути вопроса. – Знаете, на Тарасовском телевидении решили снять небольшой документальный фильм про наше хирургическое отделение, и я даже дал согласие на съемку во время операции. Было назначено время, но съемка не состоялась. Можно сказать, по моей вине.

– Да? И что же вы такого натворили? – спросила я, теряясь в догадках.

– Ничего особенного. Просто я довел свои ногти до совершенно невыносимого состояния, и режиссер перенес съемку, попросив меня сделать к следующему разу маникюр. Признаюсь: тусклый цвет и форма ногтей меня никогда не волновали. – Писаренко посмотрел на свои пальцы с какой-то непонятной мне пока жалостью и вдруг резко сжал их в кулаки. – Таня, вы не можете представить себе, в какой тупик поставила меня просьба режиссера!

– Подождите, но ведь во время операции вы должны быть в хирургических перчатках! При чем здесь ногти? – У меня вдруг возникло ощущение, что мой потенциальный клиент шутит. – Александр Станиславович, вы меня разыгрываете?

– Отнюдь. Тюхтин, режиссер, сказал, что маникюр необходим для лучшего эстетического восприятия... Понимаете, киношники собирались снимать все – как я мою руки, обрабатываю их асептическим раствором, надеваю перчатки и так далее... Нет, сначала я не придавал всему этому особого значения и попросил дочь сделать мне маникюр. По моим понятиям, она должна была немного подточить ногти пилкой и покрыть бесцветным лаком. Понимаете, я вдовец, и мне больше не к кому было обратиться за помощью. Элла засмеяла меня и послала... к своей маникюрше. Преодолевая смущение, я записался по телефону на прием и в назначенное время отправился в салон красоты «Офелия». Девчонка на ресепшене уставилась на меня с откровенной усмешкой, а еще две размалеванные девицы с совершенно невыносимыми прическами и вовсе подняли меня на смех, когда услышали, что я пришел на маникюр. Таня, не считите меня за труса, но я ушел оттуда.

«Ясно, ты привык, что пациенты и их родственники смотрят на тебя как на бога, а тут вдруг все резко поменялось – ты стал объектом для насмешек. Сочувствую, такое не всякая психика выдержит. Только где здесь криминал?» – никак не могла понять я и, чтобы заполнить образовавшуюся паузу, сказала:

– К сожалению, даже в элитных салонах красоты культура не всегда бывает на высоте. Я это знаю по собственному опыту. Вы могли бы пойти в другой салон, а лучше было бы вызвать маникюршу на дом.

– Да, я так и собирался поступить. А когда шел домой, то вдруг увидел в окне ее... – Писаренко замолчал, заставляя меня гадать, о ком пойдет дальше речь.

Моего терпения надолго не хватило, поэтому пришлось очередным вопросом подтолкнуть хирурга к откровениям:

– Простите, Александр Станиславович, я не поняла, кого вы увидели в окне?

– Что? Разве я не сказал? Я увидел Олю. Проходил мимо самой заурядной парикмахерской и вдруг увидел, что у окна сидит и скучает симпатичная девушка, а перед ней на столике – флакончики разные с лаками. Я сразу понял, что она – маникюрша. Знаете, у этой девушки в глазах была такая тоска... В общем, я не смог пройти мимо и зашел. Там никто надо мной не насмеялся. Оля со знанием дела занялась моими руками – сделала ванночки, массаж... Я даже не представлял, сколько разных процедур делают маникюрши! Через несколько сеансов мои ногти пришли в норму. Именно так выразился режиссер, и съемка фильма состоялась. А у нас с Олей, как бы это лучше выразиться, завязался роман... Она вскоре переехала ко мне, мы прожили вместе около года, а неделю назад Ольга пропала. Таня, я хочу, чтобы вы ее нашли. Понимаете, без Олечки моя жизнь вдруг потеряла всякий смысл...

«Ну наконец-то суть дела прояснилась! Я уж думала, что какой-то маньяк угрожал хирургу членовредительством. А мне, оказывается, предстоит искать пропавшую женщину. Пожалуй, я возьмусь за это дело, все равно других предложений пока нет. Почему бы и не помочь этому эскулапу решить его личную проблему?»

– Так, Александр Станиславович, давайте все по порядку. При каких обстоятельствах пропала Оля?

– Ушла утром на работу, но там не появилась и вообще пропала, как сквозь землю. Я искал ее по больницам и моргам, но, к счастью, в них Ольги не оказалось. В милиции мое заявление принять отказались, у них свои заморочки... Короче, мне не оставалось ничего другого, как обратиться к вам. Понимаете, Таня, дело в том, что Оля не местная, она приехала в Тарасов с Урала, сбежала от мужа.

– Это она вам сама сказала?

– Да, но не сразу. Я сделал Ольге предложение, хотел официально оформить наши отношения, но она не говорила ни «да», ни «нет». Это меня несколько удивляло. Знаете, после того как умерла Мила, женщины стали проявлять ко мне повышенный интерес – на работе от незамужних сотрудниц прохода не было. Они мне и пирожки носили, и халаты стирали, и в круиз за свой счет приглашали... Пожилую домработницу нанял, так она сразу дочек своих сватать мне начала... Это меня так утомляло!

«Да, бедняжка, сочувствую тебе, ведь ты измучен женским вниманием... Что может быть ужаснее для одинокого мужчины в самом расцвете сил?!» – давилась я в душе от сардонического смеха. Хирург, надо сказать, был благодатной мишенью для сарказма, но положение обязывало соблюдать правила хорошего тона.

– Да, я вас понимаю.

– Знаете, Оля была совсем другой... Жили мы хорошо, у нее даже прежняя тоска в глазах пропала. Я предлагал ей нанять адвоката, чтобы он занялся разводом, Ольга почти согласилась и вдруг исчезла...

– Александр Станиславович, может быть, она просто уехала домой, на Урал?

– Олю бросало в дрожь от одного упоминания о малой родине, ведь там жил этот изверг.

– Вы имеете в виду ее мужа?

– Да. Он хронический алкоголик, бил ее и грозился убить. Не думаю, чтобы Оля поехала туда, тем более не предупредив меня.

– Может быть, он разыскал ее и увез силой?

– Я тоже так сначала подумал, но, поразмыслив, понял, что здесь что-то другое. Никто ведь не знал, что Ольга живет в Тарасове, поэтому ваше предположение маловероятно.

– А вы уверены, что никто не знал, где она обосновалась?

– Оля мне сказала: ни одна душа не в курсе, где она живет.

– А родители?

– У нее вроде бы никого нет...

– Знаете, Александр Станиславович, ее мог кто-нибудь случайно здесь увидеть, какой-нибудь командированный из Олиного родного города. Знаете поговорку о том, что мир тесен? Кстати, откуда она конкретно приехала?

– Не знаю, – хирург озадаченно развел руками.

– Ну хотя бы область на Урале какая – Свердловская, Магнитогорская? Может быть, Оренбургская?

О, да ты еще не забыла географию! Браво, Таня, браво!

– Простите, но я без понятия. Таня, а вы сможете сами это как-то выяснить или нет? – спросил Писаренко, явно усомнившись в моих деловых качествах.

– Разумеется, если вы назовете мне фамилию и отчество вашей Ольги.

– Верещагина Ольга Петровна.

Я зафиксировала эти данные в блокноте и уточнила:

– А год ее рождения вы случайно не знаете?

– Нет, я не спрашивал Олю о том, сколько ей лет. Это и неприлично, да и не хотелось делать акцент на разнице в нашем возрасте. Думаю, что ей не больше тридцати. Но вот когда у нее день рождения, я знаю, – оживился хирург. – Двадцать восьмого марта.

– Ясно. У вас есть Олина фотография?

– Нет, Ольга не любила фотографироваться, она говорила, что не фотогенична. Такое иногда бывает, вот моя первая жена, Мила, тоже плохо выходила на фотографиях.

«Да, Шурик, другого ответа я от тебя почему-то и не ожидала. Ушла от тебя Оля к более молодому и перспективному», – сыронизировала я про себя и выдала в следующую секунду вслух то, о чем подумала:

– Скажите, а она случайно пропала не вместе с паспортом и всеми своими вещами?

– Таня, если вы хотите сказать, что Ольга не просто исчезла, а бросила меня, то вы заблуждаетесь, – сурово заявил Писаренко. – Все ее вещи остались здесь, в этой квартире. Но вот паспорт... думаю, он был у нее с собой, в сумочке.

– Александр Станиславович, можно, я взгляну на ее вещи?

– Если это поможет. – Хирург встал, подошел к шкафу-купе и открыл его. – Все женские вещи принадлежат Ольге.

Я взглянула на весьма скромный гардеробчик и подумала, что им легко можно было и пожертвовать, если уходишь к какому-нибудь богатенькому мэну. В карманах Олиной одежды ничего интересного тоже не нашлось.

– Таня, поймите меня, я хорошо знаю Ольгу, поэтому не верю, что она по доброй воле могла исчезнуть из моей жизни, – словно прочитав мои мысли, сказал Писаренко. – Знаете, я совсем потерял покой, даже сам оперировать на этой неделе не стал, все время думаю о ней. Таня, найдите Ольгу! Я очень прошу вас – найдите ее! Я сердцем чувствую, что она в беде и ждет моей помощи.

– Конечно, я сегодня же приступлю к поискам, но вы должны мне еще немного помочь. Вспомните об Ольге все до мельчайших подробностей, – сказала я, усаживаясь обратно в кресло. – Для начала скажите мне, в какой парикмахерской она работала, где жила, чем увлекалась, как вообще выглядела? Вы можете сделать хотя бы словесный портрет?

Александр Станиславович не на шутку задумался, и вдруг его лицо просветлело:

– Знаете, пожалуй, я смогу сделать вам ее фотографию. Мы с Олей были в ресторане на дне рождения у моего сына, и я брал туда камеру. Конечно, я в основном снимал детей, внуков, но Ольга там, кажется, мелькала. – Писаренко подошел к компьютеру и включил его.

Я села поближе, и мы стали просматривать видеозапись.

– Вот она, но, к сожалению, стоит к нам спиной. Сейчас будет кадр... так, так, нет, нет, – говорил Александр Станиславович, держа руку на мышке.

Несколько раз просмотрев видеозапись, мы все-таки нашли самый удачный ракурс Ольги, и Писаренко сделал стоп-кадр. Затем он распечатал на принтере несколько увеличенных копий. Правда, пропавшая сожительница хирурга была запечатлена на них вполоборота, но это было уже кое-что. Еще Александр Станиславович припомнил, что примерно месяц назад Ольга три дня подряд где-то пропадала.

– В тот день я решил встретить Олю после работы. С парковкой возникли проблемы, и мне пришлось остановиться на другой стороне улицы. Впрочем, это было как раз по ходу движения, поэтому Олечка не должна была пройти мимо. У меня сел мобильник, и я не смог ее ни о чем предупредить. Ольга вышла из парикмахерской и почему-то пошла совсем в другую сторону. Я развернулся, посигналил, но она не обернулась, а потом села в маршрутку и уехала. Стыдно признаться, но я поехал за ней. Оля вышла через три или четыре остановки, я не успел ее окликнуть, потому что она сразу юркнула в подъезд дома. Я подумал, что она пошла домой к какой-нибудь клиентке, такое иногда случалось, и стал ждать. Прошло минут десять, и меня начала одолевать неловкость из-за этой дурацкой слежки. Оля могла подумать, что я не доверяю ей... В общем, я поехал домой. Едва зашел в квартиру, как Оля позвонила на домашний телефон и сказала то, что я, собственно, и предполагал.

– То есть она делала маникюр на дому?

– Да, так она и сказала, но, когда она вернулась домой, я заметил, что Оля несколько не в себе. Конечно, бывают не очень приятные пациенты...

– Клиенты, – поправила я. – Это у врачей пациенты, а у маникюрш – клиенты, чаще клиентки.

– Да, вы правы. Но от этого дело не меняется. На следующий день Ольга работала в первую смену, но вернулась домой поздно вечером. Сказала, что ходила по магазинам, то да се... Я почувствовал, что она от меня что-то скрывает, но промолчал. Подумал – если захочет, сама расскажет. Но Ольга только предупредила, что на следующий день снова пойдет домой к двум клиенткам, и утром, и вечером.

– Так, и что дальше?

– Ничего, три дня прошло, и все, будто ничего и не было.

– И вы больше за Ольгой не следили?

– Нет. Не знаю, зачем я вам это рассказал...

– Как знать, возможно, эта информация мне пригодится. Вы можете вспомнить, в какой дом и подъезд Ольга заходила?

– Да, я это запомнил. Это был крайний слева подъезд «сталинки», что стоит прямо на остановке «Улица Бабушкина», если ехать в сторону моста, – пояснил Писаренко.

Он снабдил меня и другими адресами, посетить которые я собиралась сегодня же. Напоследок я попросила аванс. Клиента это почему-то удивило. Он нахмурил брови и сказал:

– Знаете, Таня, я предпочитаю получать деньги по результатам работы, чтобы не сглазить. Думал, что и вы придерживаетесь такой же точки зрения...

– Не совсем, на первое время мне нужна хотя бы компенсация накладных расходов, – сказала я, однозначно решив, что без аванса работать не буду. Такие уж у меня принципы!

Именитый хирург все-таки пошел мне навстречу. Но, увы, сумма, которую я получила, не согрела мою душу. Хотелось бы увеличить ее, по крайней мере, вдвое. Может, поторговаться? Я открыла рот и вдруг представила себя в роли пациентки, которой необходима неотложная хирургическая помощь, – в тот момент, когда я корчусь от боли на кушетке в больничном коридоре, какой-то человек в белом халате, склонившись надо мной, требует аванс за предстоящую операцию. Это было как-то немилосердно и некорректно. Наверное, так же нехорошо торговаться с человеком, находящимся в состоянии крайней подавленности из-за потери любимой женщины. Во взгляде Писаренко, обращенном на меня, была такая же отча-

янная надежда, с какой обычно родственники тяжелобольных взирают на докторов. А ведь он даже операции отменил!

Таня, не медли, решайся на что-нибудь! Да так да, нет так нет! В тот момент я не испытывала финансовых затруднений, поэтому не стала привередничать.

Все, Таня, успокойся, пока ты не заслужила доверие Писаренко. Вот найдешь его маникюршу, тогда и получишь полный расчет. А вообще-то, ты сама виновата, стала зачем-то намекать доктору на то, что Олечка его бросила. Скорее всего, так оно и есть, но зачем же высказывать свои догадки раньше времени? Разве так надо общаться с клиентами? Перед ними надо лебезить, ковром стелиться... Ты, Танечка, просто зазналась, все у тебя получается, все дела раскрываются. Вот и докажи этому клиенту с ухоженными руками, что ты – лучший частный детектив Тарасова.

* * *

Я села в свою «девятку» и, прежде чем двинуться с места, решила бросить гадальные двенадцатигранники, которые всегда вожу с собой. Вопрос, оформившийся в моей голове, не отличался особой оригинальностью – что мне ждать от нового расследования? Я достала косточки из малинового бархатного мешочка и метнула их на переднюю панель машины. На верхних гранях трех двенадцатигранников выпали числа, составившие комбинацию: 16 + 26 + 12. В моей памяти всплыло ее толкование: «Начнутся хлопоты, связанные с приготовлением к путешествию. Пусть ваши планы соответствуют вашим возможностям. Только смотрите в оба, чтобы пришедшая радость не сменилась огорчением».

Ответ на мой вопрос оказался не очень-то предсказуемым. Да, было над чем призадуматься. То ли двенадцатигранники предвещали мне командировку на Урал в поисках пропавшей маникюрши, то ли поездку на курорт после окончания расследования. Хотелось бы, конечно, отправиться куда-нибудь на берег Черного или Средиземного моря, а вот в другую сторону – как-то не очень. И огорчаться тоже нежелательно. Чтобы радость не сменилась огорчением, надо работать, работать и еще раз работать.

Глава 2

Судя по скромной и уже выцветшей вывеске, парикмахерская «Елена» была самой что ни на есть заурядной. Ее интерьер также не порадовал воображение. «Не мешало бы сделать евроремонт», – отметила я про себя. Но вот персонал был душевный. Едва я переступила через порог, как с меня сняли леопардовое манто, усадили в кресло и дали посмотреть модные журнальчики.

– Девушки, извините, но я пришла к вам не стричься.

– На маникюр, да? – разочарованно спросила администраторша, милая девочка с французской косичкой. – К сожалению, у нас сейчас нет мастера.

– А где Оля Верещагина? – с самым непринужденным видом спросила я, хотелось выслушать версию сотрудниц.

Девушка за стойкой посмотрела с испугом на парикмахершу, а та пожала плечами и сразу же удалилась, предоставив администраторше возможность самой выпутываться из сложившейся ситуации.

– Оля уволилась, – сказала девушка и стала энергично перелистывать глянцевого журнальчик, вдаваться в подробности она явно не собиралась.

– Она действительно уволилась или просто неделю назад не вышла на работу? – осведомилась я.

Девушка не спешила отвечать на мой вопрос. Она явно была не из болтливых. Чтобы развязать ее язычок, я положила на стойку сто рублей. Администраторша никак не отреагировала на мою взятку. Я добавила еще столик. Девушка заколебалась, но едва она протянула руку к деньгам, как распахнулась дверь и в парикмахерскую вошла высокая дама в длинном кожаном пальто. Моя визави сразу же отдернула руку и вытянулась в струнку перед вновь вошедшей посетительницей.

– Здравствуйте, Елена Федоровна, – сказала она елевым голосочком.

– Здравствуй, Даша. Как дела?

– Все хорошо, – ответила администраторша, и я поняла, что высокая дама в коже не клиентка, а босс.

– Вы, девушка, к какому мастеру? – поинтересовалась у меня Елена Федоровна.

– Я, собственно, к вам пришла.

– Тогда зайдите ко мне через пять минут, – сказала хозяйка парикмахерской, даже не поинтересовавшись, по какому я вопросу.

Дарья проводила ее взглядом, а затем перевела взор на мою сумочку, которой я прикрыла деньги. Вряд ли за пять минут администраторша могла дать мне исчерпывающую информацию, тем не менее я негромко спросила:

– В каких отношениях Ольга была с Еленой? Конфликтов у них не было?

Администраторша сделала вид, что не слышит моих вопросов. Она села за стойку, сняла телефонную трубку и принялась демонстративно нажимать на кнопки. Мне стало ясно, что теперь она ни слова мне не скажет – боится своей работодательницы. С дисциплиной здесь все было в порядке. Я убрала деньги в сумку, затем подошла к зеркалу, поправила прическу, подкрасила губы и через отведенные мне пять минут постучала в кабинет директрисы.

– Входите! – донесся до меня властный голос Елены Федоровны. Я вошла, но, прежде чем представиться, услышала: – Ты – маникюрша? Рекомендации есть?

– Нет, я – частный детектив, – с достоинством ответила я, прошла к столу и села напротив строгой директрисы.

Нельзя сказать, что моя профессия удивила хозяйку кабинета.

– Надо полагать, вы по поводу исчезновения Верещагиной? – осведомилась она и скорчила недовольную гримасу.

– Да, это так. Меня нанял Александр Станиславович Писаренко, – сказала я, сдержанно улыбнувшись, и положила перед Еленой Федоровной свою визитку.

Она нехотя прочитала ее, небрежно откинула в сторону и заметила:

– Вряд ли я смогу вам чем-то помочь. У меня уже был разговор с Писаренко, но исчезновение Ольги поразило меня не меньше, чем его. Не понимаю, зачем он вас ко мне прислал. Неужели Александр Станиславович считает, что я от него что-то скрала?

– Нет, что вы! Он так не считает. Но вот у меня сразу возник к вам профессиональный интерес. Расскажите мне, пожалуйста, все, что вам известно об Ольге.

– Ничего особенного мне о Верещагиной неизвестно. У меня на данный момент двенадцать постоянных сотрудниц, а учитывая текучку кадров и учениц, которые сюда присылают разные учебные центры, за год мне приходится общаться почти с сотней девушек. Вы, – Елена взглянула на мою визитку, – Татьяна, полагаете, что я интересуюсь личной жизнью каждой из них?

– Думаю, что нет. И все-таки кое-что вы, наверное, можете мне сказать.

– Что?

– Как Ольга нашла это место? Какой она была работницей? Какие у нее были отношения с сотрудницами, с клиентками? Может быть, сами что-нибудь интересненькое вспомните?

– Интересненькое! – усмехнулась Елена Федоровна. – Ладно. Верещагина проработала у нас около двух лет. Пришла сюда по объявлению в газете. Я взяла ее с испытательным сроком, потому что у нее не было опыта работы, но клиентки были ею довольны, и клиенты тоже, – директриса явно намекала на Писаренко. – Ольга была неконфликтной, отношения со всеми у нее сложились ровные. Даже гражданский брак с таким именитым человеком, как Александр Станиславович, ее не испортил. Честно говоря, я думала, что она от нас уйдет в какой-нибудь элитный салон, но она осталась. По-моему, у Верещагиной была пониженная самооценка.

– Ясно. Скажите, а трудовая книжка Ольги осталась у вас?

– Она работала не по трудовой, а по контракту, как и все мои девочки. Надеюсь, я не должна оправдываться перед вами по этому поводу?

– Разумеется, нет. Я могла бы взглянуть на этот контракт? – спросила я и, заметив неудовольствие на лице моей собеседницы, пояснила: – Мне хотелось бы уточнить кое-какие анкетные данные.

– Какие?

– Откуда Ольга родом и год ее рождения.

– Хорошо, сейчас посмотрим, – сказала директриса, открыла ключом ящик стола и вынула оттуда толстую папку-регистратор.

Я внимательно наблюдала за тем, как она ищет нужные документы. Елена Федоровна была чем-то сильно озабочена. Она хмурила тонкие брови и поджимала яркие губки. Что бы это значило?

– Ничего не понимаю! Контракт Верещагиной пропал.

– То есть как пропал?

– Сама удивляюсь. Вот договор с Петровой, вот – с Кушнир, с Чижиковой, а верещагинского нет, – растерянно пробормотала директриса и подвинула мне папку. – Можете сами поискать, если хотите.

Я начала листать контракты с самого начала, но, когда дошла до середины, около дужек обнаружила клочок от вырванного документа. Это было как раз между контрактами Чижиковой и Петровой.

– Елена Федоровна, вот, посмотрите – а договор-то кто-то вырвал! Как вы думаете, кто мог это сделать?

– Вы что, на меня намекаете?

– Это вы сами сказали. Я имела в виду совсем другое – могла ли эта папка попасть в руки постороннему человеку?

– Разумеется, нет.

– А сотрудницы имели к ней доступ?

– Хотелось бы сказать, что нет, но, возможно, были кратковременные моменты, когда в кабинете находились девочки, папка лежала на столе, а я выходила. Да, я сейчас вспомнила, что как-то ко мне заходила Верещагина, попросить отгул, а меня позвали в зал. Не могу утверждать, что Ольга тогда и воспользовалась моментом. Во всяком случае, я ничего не заподозрила, но все может быть. Хотя кому, кроме нее, мог понадобиться этот контракт? Да и ей-то он зачем, непонятно...

– Пока сложно ответить на этот вопрос, – сказала я, но заподозрила, что сама Елена Федоровна может иметь прямое отношение не только к пропаже контракта, но и к исчезновению самой Ольги.

Не нравилась мне эта директриса, совсем не нравилась! Похоже, стерва еще та!

– Татьяна, а не кажется ли вам, что исчезновение Верещагиной не было таким уж внезапным и неожиданным? Видите, она следы за собой подчистила? – подкинула мне идею Елена Федоровна. – Похоже, Ольга не хотела, чтобы ее нашли. Так стоит ли искать?

– Возможно, вы в чем-то правы, – сказала я и почувствовала, что хозяйка кабинета уже ждет не дожидается моего ухода. Тем не менее я решила задержаться. – Только искать Верещагину мне все равно надо. Это моя работа. Если вы, Елена Федоровна, больше ничего не можете мне сказать, я хотела бы поговорить с кем-нибудь из вашего персонала. Все-таки коллеги по цеху были к ней ближе...

– Я сама со всеми разговаривала, никто ничего не знает, но если вы настаиваете, я посмотрю, кто из девочек сейчас свободен. – Директриса встала и прошла к двери. – Гуля, ты освободилась? Зайди!

Разговаривать в присутствии директрисы мне совсем не хотелось, она это поняла, но не ушла, а уселась на свое место, ехидненько улыбнувшись. Вот стервозина! Девушка зашла в кабинет и, не получив от начальницы приглашения сесть, остановилась около стола.

– Гуля, это частный детектив, она разыскивает Верещегину. Ты знаешь, куда она исчезла? – Елена Федоровна взяла на себя инициативу в разговоре.

– Нет, не знаю, – не задумываясь, ответила девушка.

Собственно, другого ответа на вопрос, заданный в такой резкой форме, ожидать не приходилось.

– Скажите, а Ольга ходила к клиенткам домой? – спросила я как можно мягче.

Гуля пугливо стрельнула глазами на начальницу, а потом сказала со вздохом:

– Случалось.

– А к ней приходил сюда кто-нибудь из знакомых, кроме Писаренко, не ради маникюра, а по какой-нибудь другой причине?

– Только сын Александра Станиславовича.

– Гуля, сядь! Что ты стоишь? – занервничала Елена Федоровна. – Расскажи нам, что здесь делал Максим Александрович и почему я до сих пор ничего об этом не знаю?

Девушка присела на ближайший к двери стул и пролепетала дрожащим голосом:

– Он требовал, чтобы Оля бросила его отца.

– И что же Верещагина? – осведомилась директриса.

– Оля сказала, что это не его дело, а когда он ушел, она расплакалась. Наверное, он ее все-таки достал, вот она и уехала домой, – осмелилась высказать свое предположение Гуля и густо покраснела.

– А где она жила до того, как приехала в Тарасов? – спросила я.

– Где-то на Урале, – сказала Гуля.

– А поконкретнее?

– Не знаю, но, кажется, не в большом городе, а в каком-то поселке.

– Сколько ей было лет?

– Не знаю. А разве... – Парикмахерша покосилась на раскрытую папку-регистратор, но, наткнувшись на строгий взгляд начальницы, осеклась. – Нет, не знаю. Она не говорила.

– Хорошо, Гуля, ты можешь идти, – сказала Елена Федоровна, и парикмахерша тут же покинула кабинет.

Я очень скоро последовала ее примеру, отягощенная новыми версиями. У меня были все основания полагать, что к внезапному исчезновению Верещагиной могла приложить руку ее работодательница. Не исключено, что она создала Ольге невыносимые условия для работы и уничтожила ее контракт, чтобы Александр Станиславович не попал на след любимой женщины. Уж что поделаешь, таков удел свидетелей – попадать под подозрения!

Впрочем, в категорию подозреваемых теперь попала не только хозяйка парикмахерской, в ней оказался и сын моего клиента. Пожалуй, Максима Александровича Писаренко стоило поставить на первое место, потому что он был напрямую заинтересован в том, чтобы Ольга исчезла из жизни его отца. Мачехи, тем более молодые, нечасто бывают по душе взрослым детям. И это оправданно. И в данном случае, женившись, отец автоматически лишил сына определенной части наследства. Могла быть и личная неприязнь Максима к Ольге или, наоборот, приязнь...

«Но вот какой зуб Елена Федоровна имела на Верещагину? – Я мысленно вернулась к предыдущей версии и вдруг соединила две гипотезы в одну: – Вполне возможно, что она просто помогала сыну известного хирурга на возмездной основе». Это предположение требовало доказательств, но у меня их пока не было.

Из парикмахерской «Елена» я поехала в район Сенного рынка. Верещагина снимала там квартиру до того, как переехала к Писаренко. Были надежды, что квартирная хозяйка вспомнит что-нибудь полезное для следствия.

* * *

Позвонив в одиннадцатую квартиру, я сразу же услышала женский голос:

– Кто там?

– Юлия Константиновна? – уточнила я, прежде чем представиться.

Дверь приоткрылась на ширину цепочки, и маленькая седая старушка спросила заговорщическим тоном:

– Да, это я, а ты от кого?

– От Ольги Верещагиной, – полушепотом ответила я.

– Тогда проходи. Значит, ты от Олечки? Хорошая она была девочка, аккуратная, замуж вышла и съехала. Знаешь, после нее у меня одна студентка жила, та безалаберная была, но тоже замуж выскочила. Теперь у меня женщина с ребенком живет, так что сдала я уже комнату. А хочешь, я порекомендую тебя своей приятельнице? Будешь там жить одна, сама себе хозяйка, правда, там тебе жильё дороже встанет. У тебя как с деньгами?

– Нормально.

– Тогда сейчас я тебе адресок напишу.

Из уважения к почтенному возрасту предприимчивой бабули я решила сразу же объяснить, что мне на самом деле от нее надо.

– Юлия Константиновна, вы меня извините, но, честно говоря, я не нуждаюсь в жильё. Мне просто с вами поговорить надо. Я – частный детектив.

– Частный детектив, – повторила хозяйка, немного подумала и сказала: – Ну развайся, раздевайся, вот сюда вешай свое пальтишко и проходи в мою комнату, поговорим. Я охочая до всяких разговоров! Комнатку вторую сдаю не ради денег, а ради общения, люблю с молодежью поговорить... Садись сюда. Тебя как звать-то?

– Таня.

– Слушаю тебя, Таня. Что случилось-то?

– Юлия Константиновна, а вы общались с Олей после того, как она от вас съехала?

– Нет. А что же такое случилось, почему ты мне ничего толком не говоришь?

– Дело в том, что Ольга пропала. Александр Станиславович нанял меня, чтобы я ее нашла.

– Кошмар какой! Как это – Олюшка пропала? Они с доктором поссорились, что ли? А он мне так понравился – такой обходительный, внимательный...

– В том-то и дело, что нет. Ольга ушла утром на работу и исчезла.

– Вот горе-то какое! – запричитала старушка. – Может, под машину попала? Вот так с моей соседкой случилось...

– Нет, здесь что-то другое. Есть подозрение, что она уехала домой, туда, откуда приехала. Вы случайно не знаете, где Ольга раньше жила?

– Сейчас посмотрю. У меня все записано. Я у всех квартирантов сразу беру паспорта и собственноручно записываю все данные в тетрадку. Минуточку, все сейчас прояснится. Хорошо, что догадалась ко мне зайти. – Бабуля открыла ключом дверцу серванта и достала оттуда большую коробку из-под шоколадных конфет, а уже из нее общую тетрадь. – Это мой архив. Сейчас очки надену... Ой, как же это я сразу не заметила!

– Что такое? Что случилось?

– Здесь целый лист вырван! А я сразу и не заметила, открыла новую страницу и записала Лариску, а потом Людмилу с Ванечкой...

– Можно, я посмотрю?

– Гляди! Раз ты детектив, может, что и вымотришь, – бабуля протянула мне свою заветную записную книжку.

Один лист, и как раз с паспортными данными Верещагиной, там действительно отсутствовал, и это наталкивало на определенные размышления. Не могло быть такого совпадения! Но на всякий случай я спросила:

– Юлия Константиновна, как вы думаете – Ольга или кто-то другой мог вырвать этот лист?

– Исключено! Ты же видела, что я закрываю ящик на ключ, и комната эта всегда на замке, если меня дома нет. Богатства, конечно, у меня нет, но все же...

– Тогда кто вырвал лист?

– Ума не приложу.

– Юлия Константиновна, может быть, вас кто-то попросил уничтожить данные об Ольге?

– Ты думаешь, что говоришь-то! – возмутилась бабуля.

– Думаю. В жизни всякое случается...

Юлия Константиновна посмотрела на меня, потом полистала свою тетрадку, немного подумала и выдала совсем неглупую мысль:

– Замок у меня на двери, конечно, простенький, язычок ножом поддеть можно, а сервант и вовсе – булавкой открыть. Сама как-то так делала, когда ключ затерялся. Только зачем Оля это сделала? Она такой порядочной мне показалась. Скромная, аккуратная, добрая...

– А как она вас нашла?

– Это не она меня, а я ее, горемычную, нашла на вокзале. Когда у меня комнатка освобождается, я на вокзал езжу и присматриваю себе очередную жиличку. У меня глаз наметанный – я сразу вижу, кому податься некуда и кто без особых запросов. Не все жильцы хотят с

хозяевами жить. Да, она стояла около справочного бюро, в глазах такая безнадежность, такая тоска, я подошла к ней, предложила ночлег, Ольга и согласилась.

– Так, может, вы помните, откуда Верещагина приехала?

– Издалека. То ли с Сибири, то ли с Урала, запомывала. Откуда у меня только жильцы не останавливались, даже с ближнего зарубежья.

– А к Верещагиной кто-нибудь приходил сюда, звонил или, может, она кому-нибудь по междугородке звонила из вашей квартиры, а квитанция где-нибудь завалялась?

– Нет, у меня домашнего телефона не имеется. Дом-то под слом... Есть сотовый, сын мне его купил и оплачивает, но я его никому из жильцов не даю... Ольга ничего не говорила мне о своем прошлом, как я ее ни расспрашивала. Что-то в ее жизни такое случилось, о чем она вспоминать не хотела, даже боялась...

– Разве она не от мужа-тирана сбежала?

– От мужа? – удивилась Юлия Константиновна. – Ни о каком муже Олюшка мне никогда не говорила, да и штампа в паспорте у нее, кажется, не было, но, возможно, я что-то опять запомывала.

– Так о чем тогда вы с ней разговаривали, если не о муже?

– О чем придется. Сериалы обсуждали, кулинарные рецепты... Она меня манты делать научила... А вообще-то, Ольга с утра до вечера работала, приходила вечером и с ног валилась...

– Где же она так уставала, в парикмахерской, что ли?

– Нет, Олюшка поначалу уборщицей работала в трех местах. Денег немного подкопила и пошла на курсы этих самых, ну как их...

– Маникюрш, – подсказала я.

– Точно, маникюрш... – закивала головой Юлия Константиновна.

– А что это за курсы, где они находятся, вы случайно не знаете?

– Нет, не знаю, где-то в центре. Значит, закончила она эти курсы, но на работу не сразу по этой специальности устроилась, опыта нет, вот и брать никто не хотел. Потом все-таки нашла местечко, но далеко от дома, зато там она с доктором и познакомилась... Я так радовалась за нее, так радовалась... А тут такая беда... Куда же она пропала? Ты уж, дочка, ищи ее, пожалуйста.

Интересно, а я что делаю!

Мы поговорили еще немного с квартирной хозяйкой, и я ушла, теряясь в догадках. Новые факты давали обширные возможности для самых разных предположений. Ну правда, что могло заставить тридцатилетнюю женщину так круто изменить свою жизнь? Наличие мужа-тирана со слов бабули не подтвердилось. Значит, Ольга врала Писаренко. Но почему? Возможно, потому, что не хотела выходить за него замуж. Если в ее паспорте не было штампа о регистрации брака, это ровным счетом ничего не значит. Мог существовать гражданский муж, любовник, бойфренд, неважно, как его назвать, главное, что Верещагина могла к нему вернуться... Чушь! Ольга приехала в чужой город без копейки в кошельке, без профессии, словно спасалась от кого-то бегством. Но и в Тарасове ей, кажется, было неспокойно. Не исключено, что Верещагина почувствовала – ей наступают на пятки, и скрылась, не предупредив даже Писаренко. А чтобы ее не нашли, она подчистила следы. Куда же она отправилась?

Россия – страна большая, поэтому шансы найти ее очень малы. Засядет Оленька в каком-нибудь Малоклоповнице, поживет там немного, а потом переедет в Староконюшинск, а оттуда еще куда-нибудь подальше, и мне придется искать ее до самой пенсии. А возможно, Верещагину уже нашел кто-то другой и увез обратно на Урал или вообще убил... Таня, Таня, что это за пессимизм такой! Рано паниковать, рано. Садись в машину и отправляйся на улицу Бабушкина, возможно, именно там ты найдешь ключ к этому расследованию. Если клиент считает, что Ольга три дня вела себя подозрительно, значит, стоит уделить этому факту внимание.

Глава 3

Не знаю, как насчет ключа к расследованию, но вот код подъездной двери поддался мне на счет «раз». Меньше всего мне хотелось заниматься поквартирным обходом, но, похоже, иного способа провентилировать ситуацию у меня не оставалось. Никакого уютного дворика со скамеечками, на которых с утра до вечера сидят любопытные, а потому всезнающие бабули, не было и в помине. Значит, надо звонить в каждую квартиру, представляться частным детективом и показывать фотографию Ольги Верещагиной. Конечно, это не самый лучший способ получения информации – если людям есть что скрывать, то они просто-напросто промолчат. Никаких рычагов, чтобы надавить на них, у меня пока не имелось.

Я остановилась перед дверью первой квартиры и подумала: «Не лучше ли представиться сотрудницей прокуратуры и для достоверности показать просроченное удостоверение, оставшееся у меня после увольнения?» Взгляд невольно упал на рукописное объявление, висящее на стене. В нем говорилось о том, что деньги за уборку подъезда надо сдать в шестую квартиру. У меня возникла мысль, что именно там может жить человек, который все знает про жильцов этого подъезда, поэтому я поднялась на третий этаж и, недолго думая, нажала на белую кнопку звонка.

Дверь открылась без всяких вопросов, и я оказалась лицом к лицу с худощавой женщиной предпенсионного возраста с бигуди на голове.

– Вы кто? – запоздало поинтересовалась дама.

– Я из прокуратуры, у меня есть к вам несколько вопросов, – ответила я и достала из сумки свою ксиву.

Женщина мельком взглянула на документ и радушно распахнула передо мной дверь. Я переступила через порог и почувствовала запах кислой капусты, который на дух не переношу.

– Проходите в гостиную, располагайтесь, – сказала хозяйка, покрывая голову капроновой косынкой. – Простите, я не запомнила, как вас зовут.

– Татьяна Александровна.

– А меня Елизавета Артуровна, – с достоинством ответила дама в бигуди. – Что за вопросы вы хотите мне задать, о ком? Слушаю вас внимательно.

Я села за круглый стол, стоявший посреди гостиной и накрытый парчовой скатертью с бахромой, достала из сумки фотографию пропавшей маникюрши и спросила:

– Елизавета Артуровна, вам случайно не знакома эта женщина?

– Нет, у нас такая не проживает. Это точно. Я здесь всех жильцов знаю, даже квартирантов.

– Очень хорошо. Примерно месяц назад эта девушка к кому-то приходила сюда три дня подряд. Возможно, она делала кому-то маникюр на дому...

– Маникюр три дня подряд? Это же не массаж, – скептически заметила дама в бигуди и с любовью посмотрела на свои ногти, чертовски ярко покрашенные красным лаком.

– Я сказала, что такой вариант не исключен. Но, возможно, она просто кого-то навещала. Мне хотелось бы узнать, к кому она приходила.

Елизавета Артуровна надела очки и внимательно присмотрелась к фотографии.

– А получше фотки нет? Здесь она как-то вполоборота...

– Нет, только эта.

– А что она натворила?

– Ну почему же сразу натворила?

– Просто так вы же не будете разыскивать человека! Раз ищите, значит, она преступница. Разве не так?

– Нет, не так. Существуют и другие варианты. Во-первых, она может быть свидетельницей, во-вторых, ей может угрожать опасность, в-третьих...

– От кого опасность? – перебила меня Елизавета Артуровна. – Неужели от наших жильцов? Знаете, Татьяна Александровна, у нас здесь все люди интеллигентные живут, в основном бывшие деятели культуры и искусства. Я вот тоже раньше в оперном театре служила, а теперь на заслуженном отдыхе, но от общественной работы никогда не отказываюсь. Разузнать все про эту красавицу почти за свой долг, но я хотела бы сначала поинтересоваться... Вы уж не сочтите мой интерес за меркантильность, но как насчет вознаграждения? Я слышала, что теперь за помощь следствию деньги платят?

«Вот чудачка! Если у нее вдруг проснулось гражданское самосознание, то почему это похвальное чувство требует материального вознаграждения? Тетенька лукавит... Впрочем, ее предложение не лишено для меня привлекательности, – подумала я. – Чем самой ходить по квартирам, лучше уж поручить эту работенку Елизавете Артуровне. Она здесь своя в доску, поэтому сможет больше и быстрее меня все выяснить. Хочется ей получить вознаграждение, так она его получит. Кажется, у меня дома есть бланки расходных ордеров, выпишу ей премию, как положено».

– Да, практика материального поощрения действительно существует, но только в том случае, если есть конкретный результат. – Я заметила, что лицо бывшей оперной певицы расплылось в благодушной улыбке. – Сумма, конечно, небольшая, скажем так, больше символическая...

– Какая? – сразу же поинтересовалась Елизавета Артуровна.

– Я же вам говорю – все зависит от конечного результата. Впрочем, вы можете отказаться от активного содействия прокуратуре...

– Ну что вы, я согласна. Дело не в сумме, а в самом факте признания моих заслуг. Мне будет даже интересно этим заняться, почувствовать себя в роли детектива... Это, так сказать, моя давняя мечта... Но оперы на детективные темы не писали...

– Елизавета Артуровна, переигрывать не надо. Интересуйтесь Ольгой Верещагиной как можно непринужденнее и ради пользы дела никому не говорите, что действуете по заданию прокуратуры.

– Ясно!

Я дала своей агентессе еще несколько рекомендаций по поводу того, как вести дознание, и она выслушала их с неослабевающим вниманием. Надо сказать, что роль режиссера мне понравилась.

– Елизавета Артуровна, я вам запишу номер моего мобильного телефона. Как только что-то прояснится, сразу же звоните мне.

– Да, обязательно. Я немедленно приступлю к работе, нет, пожалуй, сначала причешусь, – сказала она, провожая меня в прихожую. – Не сомневайтесь, лучше меня никто с этим заданием не справится.

– Я надеюсь на вас. До свидания, – сказала я и, с трудом сдерживая улыбку, вышла из квартиры.

С улицы имени Бабушкина я поехала домой. Других адресов, где могла остаться хоть какая-нибудь зацепка, способная вывести на пропавшую маникюршу, у меня не осталось. Я ощущала просто органическую необходимость взбодрить себя крепким кофе, чтобы стимулировать мыслительную деятельность.

По дороге я подумала, что неплохо было бы задействовать для этого расследования Владимира Сергеевича Кирьянова, моего давнего приятеля, подполковника милиции. По возвращении домой я сразу же так и поступила.

– Володенька, привет! Как дела?

– Привет, дорогая, все как обычно, а у тебя?

– У меня новое расследование. Хотелось бы получить у тебя консультацию.

– Я так и подумал. Ты же просто так не звонишь. Чем на этот раз занимаешься?

– Ищу пропавшую женщину. Володя, неделю назад Ольга Петровна Верещагина вышла из дома и буквально испарилась. Посмотри, пожалуйста, не мелькала ли она в сводках, а также не было ли в городе каких-нибудь несчастных случаев с молодыми женщинами или, того хуже, неопознанных трупов.

– А что, родственники о ее исчезновении не заявляли? Или она незамужняя и бездетная сирота?

– Дело в том, что Ольга не местная, приехала в Тарасов вроде бы с Урала. Познакомилась и сошлась здесь с одним профессором медицины, вот он-то о ней и беспокоится. Да, Володя, ты мог бы разузнать, где именно на Урале была зарегистрирована эта Верещагина и нет ли за ней чего-нибудь криминального?

– Таня, ты же понимаешь, что желательно знать конкретный населенный пункт. Тебе известно точно, откуда она приехала?

– Нет, Володенька, неизвестно. Все говорят, что с Урала, но никто не знает, из какой именно области. Да, одна ее сослуживица вспомнила, что жила Верещагина в каком-то небольшом городишке или поселке, – сказала я и услышала, как тяжело вздохнул Кирия. – Точный год рождения тоже не назову, навскидку ей не больше тридцати, а вот дата рождения известна – двадцать восьмое марта.

– Да, Таня, умеешь ты задать задачку, ничего не скажешь. Ладно, попробую что-нибудь сделать. Хорошо, что я еще не ушел с работы. Сводку недельной давности сейчас посмотрю и перезвоню тебе, а вот с пропиской так быстро не получится. Надо запрос через Москву на Уральский регион делать...

– Как ты думаешь – долго ответ идти будет?

– Не знаю. Думаю, дня три...

– Почему так долго? Разве нет единой компьютерной базы данных по всей России?

– Таня, я же сказал, что надо запрос через Москву делать, а для этого мне предстоит еще придумать, в связи с чем я этой особой интересуюсь. Не забывай, что сегодня суббота, поэтому ответ может до понедельника, а то и до вторника застрять.

– Нет, Володя, такие темпы меня не устраивают! А нельзя напрямую с Уральским округом связаться?

– У меня там знакомых нет, но я попробую Синичкина запрячь. Он недавно в Оренбург в командировку ездил, может, с кем из тамошних оперов и наладил контакты...

– Ты уж постарайся, Володенька, если понадобится, я этому Синичкину премию выпишу.

– Думаю, он не откажется от премиальных. Ладно, сейчас сводкой займусь. Пока.

– Пока. – Я положила трубку и пошла в кухню варить кофе.

Затем, как это обычно бывает, за чашкой ароматной «Арабики» и сигареткой, я стала думать над версиями. Оказалось, их стало уже так много, что голова пошла кругом. Во-первых, Ольгу мог достать Писаренко-младший, и под его психологическим давлением она решила уйти от Александра Станиславовича. Во-вторых, она могла стать объектом какого-то преступления. В-третьих, маникюрша могла просто уйти к другому мужчине. Моя безудержная фантазия довела меня даже до того, что Верещагина могла скрываться в нашем городе от правосудия, поэтому она и не оставляла нигде следов. Не исключено, что Ольга приехала вовсе не с Урала, а совсем из другого региона, но всем врала для отвода глаз. Ну в самом деле – зачем ей понадобилось ликвидировать свой трудовой контракт и вырывать страничку с паспортными данными из блокнота квартирной хозяйки? Сам собой напрашивался вывод о том, что Олечка никуда не пропала, а просто ушла от Писаренко по-английски, не попрощавшись. Она, казалось бы, все предусмотрела, только не то, что хирург, влюбившийся в нее почти до беспамятства, наймет частного детектива.

Интересно, захочет ли Александр Станиславович, чтобы я продолжала расследование, если мне станут известны какие-нибудь нелюбимые факты из жизни Верещагиной? Профессор-то думает, что его ненаглядная Олечка – жертва мужа-тирана, а на поверку может оказаться, что она вовсе не жертва, а как раз наоборот, беглая преступница. Таня, Таня, осторожнее, не набирай обороты, нужны доказательства. А что делать, если все так и окажется? Конечно, очень не хотелось бы плохими известиями огорчать уважаемого человека, но такова жизнь, и в ней иногда бывают и неприятности. Интересно, заплатит ли мне Писаренко, если я не принесу ему хороших новостей? И почему это я так смалодушничала насчет аванса! Не заводись, Таня, не надо. Никуда Александр Станиславович не денется, он честный человек, поэтому за горькую правду ему тоже придется заплатить...

Позвонил Кирьянов и сообщил мне, что за последнюю неделю в городе не произошло ничего такого, что можно было бы пристегнуть к моему делу.

– Были неопознанные трупы, но мужские, – сообщил Кирьянов. – Еще одна старушка без документов попала под машину, до сих пор без сознания, находится в больнице, а вот молодых женщин бог миловал. Да, Танюша, Синичкин обещал нам помочь. Он уже связался по телефону с опером из Оренбурга, но, сама понимаешь, у них уже поздний вечер, поэтому ответ будет только завтра...

– Ну, это уже кое-что...

Поговорив с Кирей, я продолжила свои логические измышления. Точнее, я вспомнила про одну из своих первых версий: о том, что Ольга могла исчезнуть из жизни моего клиента по настоятельной просьбе его сына. Если Максим был настроен весьма решительно, то он мог не остановиться на одном разговоре в парикмахерской. Возможно, Писаренко-младший предпринял что-то еще для того, чтобы разлучить отца, именитого хирурга, с заезжей маникюршей с сомнительным прошлым. Немного подумав, я решила обсудить этот непростой вопрос с Александром Станиславовичем и набрала номер его домашнего телефона.

– Аллю, – послышалось в трубке.

– Это Татьяна.

– Таня, у вас есть новости об Ольге?

– К сожалению, пока ничего определенного нет. Но мне стало известно, что ваш сын Максим был крайне негативно настроен против Ольги Петровны. Вы знали об этом?

Писаренко ответил на мой вопрос не сразу, я даже пожалела, что без предварительной подготовки огорошила его своими подозрениями насчет сына.

– Да, Макс не пылал к моей Оле сыновними чувствами, – наконец выдал он. – Ну, это понятно, ведь они почти ровесники, но я бы не сказал, что сын ее ненавидел. Во всяком случае, мне он никогда ничего такого не говорил, и Оля на него тоже не жаловалась. Они виделись не так уж часто, ведь у Макса своя квартира, своя семья, свои интересы... Таня, мне кажется, что вы не в том направлении работаете...

– Я работаю во всех направлениях, так сказать, и вглубь, и вширь. Географию поиска расширила до Урала, мой знакомый, сотрудник милиции, обещал узнать, где Ольга проживала до того, как приехала в Тарасов. Еще сегодня я прошла по всем адресам, которые вы мне дали, и единственная зацепка – это Максим. Он был в парикмахерской и требовал, чтобы Ольга вас бросила.

– Этого не может быть, – растерянно пробормотал Александр Станиславович. – Нет, это какой-то оговор. Мой сын даже не знал точно, где она работает...

– Надо смотреть правде в глаза – Максим не только знал о том, что Оля работает в парикмахерской «Елена», но и был там с визитом, который многим запомнился.

– Признаюсь, я такого от Макса никак не ожидал. Я немедленно позвоню ему и поговорю с ним.

– Александр Станиславович, предоставьте это, пожалуйста, мне. Я хотела бы сама поговорить и с Максимом, и с Эллой, если вы, конечно, не возражаете.

– Мне не хотелось бы впутывать в мои личные проблемы своих детей, у них и своих забот хватает... Я им помогать должен, а не озадачивать их. Даже если Макс и был в «Елене», это еще ничего не доказывает. Он человек настроения, иногда бывает вспыльчив, но быстро отходит. Вы же не думаете всерьез, что мой сын причастен к исчезновению Ольги?

– Думаю.

– Гм... Ну, я не знаю... Хорошо, я дам вам его телефон. А вот что касается Элочки, то хочу вас предупредить – она беременна, и любые волнительные разговоры ей совсем ни к чему.

– Я поняла, буду общаться только с Максимом.

– Может, мне его предупредить о вашем звонке?

– Не стоит, хочу застать его врасплох.

– Таня, а других версий у вас нет? Неужели только мой Макс попал под подозрение? Это так нелепо...

– Версии есть, доказательств пока никаких нет, – чистосердечно призналась я.

– Ну хорошо, записывайте его телефон.

– Диктуйте! – Я взяла ручку и написала на газетке шесть цифр. – Спасибо. До свидания.

Перед тем как позвонить Максиму, я выкурила две сигареты подряд, обдумывая предстоящий разговор. Увы, ничего оригинального в голову не пришло. Более того, я вдруг почувствовала, что расследование, за которое я сегодня взялась, мне вдруг стало не очень-то интересно. Принялась за дело вроде бы с задором и вдруг охладела. Загадка Ольги Верещагиной почему-то перестала меня волновать. Сочувствие к горю Писаренко было и прошло. Ну, правда, как долго Александр Станиславович будет страдать? Через месяц или два он наверняка станет поглядывать любострастным взглядом на других женщин, которые так и выются около него, а еще где-то через полгода окончательно забудет Олю.

Я призналась себе, что взялась за это дело по инерции – была свободна, вот и согласилась. Если бы имелся веский предлог, чтобы отказать профессору, я бы отказала. Таня, а не обиделась ли ты на хирурга из-за мизерного аванса, который он тебе выдал? Нет, причина, кажется, не в этом. Писаренко согласился с моими тарифами и сказал, что готов заплатить все, что я затребую, по окончании расследования. Его отношение к финансам даже вызвало у меня уважение. Значит, причина внезапно свалившейся на меня апатии крылась в отсутствии интриги. Меня, раскрывшую более двухсот преступлений, уже мало что удивляло. Да, Верещагина исчезла, да, она выкрала и уничтожила все записи, по которым можно было ее найти, ну и что из этого? Вот если бы у меня была полная уверенность в том, что ей реально угрожала серьезная опасность, а не мифический муж-тиран, тогда бы я сейчас не заставляла себя работать на полную катушку.

Все, Таня, хватит ныть! Экспрессии, видите ли, тебе не хватает! Кто знает, что произойдет завтра? Возможно, ее будет через край. Вот и гадальные косточки предвещали какое-то путешествие... Неужели это тебя не интригует? Очень мало. Тогда подумай о том, что половина населения нашей планеты имеет нудную и монотонную работу, и ничего, процессы идут... Раз уж ты взялась за это дело, доводи его до конца.

Короче, я заставила себя через силу набрать шесть цифр, продиктованных мне Александром Станиславовичем, и, когда услышала в трубке ответ, впала в ступор.

– Алло, – повторил грозный бас.

– Здравствуйте! Вас беспокоит частный детектив Татьяна Иванова, – выдавила я из себя.

– Вы, наверное, ошиблись номером?

– Нет, Максим Александрович, никакой ошибки нет. Я хотела бы поговорить именно с вами.

– Забавно. А что случилось?

– Это не телефонный разговор. Мы могли бы с вами встретиться?

– Если это не ошибка, значит, какой-то розыгрыш. Кто вас надоумил мне позвонить и зачем? – пробасил сынок хирурга.

В этом месте мне надо было быстренько придумать что-нибудь оригинальное, но я не нашла подходящих слов, поэтому спросила ледяным тоном:

– Максим Александрович, а разве вы не знаете, что случилось? Пропала Ольга Верещагина.

– Ах, вон оно что, – опешил Макс. – Отец уже и частного детектива нанял? Не ожидал. Похоже, на старости лет у него крыша совсем поехала. Но от меня-то что вы хотите? Я ее не прячу.

– Я хочу задать вам несколько вопросов и получить на них чистосердечные ответы.

– Простите, а сколько вам лет?

– Максим, вы незнакомы с правилами хорошего тона, – заметила я.

– Да мне наплевать на хороший тон! Нежная какая, сыщица! Судя по голосу, ты не старуха. Какие могут быть вопросы? Спроси себя – тебе понравилось бы, если бы твой отец собрался жениться на твоей ровеснице? – перешел в наступление мой собеседник.

– Ну зачем же сразу переходить на личности? – спросила я и поняла, что мне не надо обороняться, а лучше тоже броситься в словесную атаку. – Максим, скажу тебе честно – ты мой подозреваемый номер один. Итак, согласен ты со мной встретиться или нет?

– Нет, не вижу в этом никакого смысла. С отцом я как-нибудь сам разберусь, а тебе посоветовал бы не лезть в наши семейные дела, – сказал как отрезал Писаренко-младший, и у моего уха раздались гудки.

Чего еще можно было ожидать от неподготовленного разговора? Только того, что и произошло. Самое удивительное состояло в том, что мне было наплевать на то, что Максим отказался со мной встречаться. Даже возникло какое-то облегчение, потому что сегодня уже никуда выходить из дома не хотелось. Бестолковая езда из одного конца города в другой и разговоры с престарелыми тетушками мне уже порядком поднадоели. Собственно, все это мог проделать сам клиент, а мне надо было действовать как-то иначе. Увы, ничего оригинального в голову не лезло, поэтому остаток дня я провела в домашних заботах, до которых обычно не доходили руки.

Глава 4

Утро следующего дня началось со звонка бывшей оперной певицы, ставшей вчера моим агентом.

– Татьяна Александровна, я справилась с вашим заданием. И это доставило мне такое удовольствие! Приезжайте ко мне, я вам все расскажу, – гордо заявила Елизавета Артуровна. – Когда вас ждать?

– Часов в одиннадцать.

– Хорошо, жду с нетерпением.

Нельзя сказать, что звонок Елизаветы Артуровны меня сильно заинтриговал. Ну что она там могла выяснить? Приходила к кому-нибудь Олечка, чтобы привести в порядок запущенные ноготочки, вот и пришлось три дня на это потратить – массаж, ванночки, а уже потом наращивание... Ладно, тетенька поработала, надо ее выслушать и вознаградить, как я и обещала.

Я стала искать расходные ордера. Каких только бланков с плохо читаемыми печатями у меня не было! Но, как это обычно случается, то, что нужно, никак не находилось. Я уже решила, что обойдусь без документа, но на дне ящика все-таки обнаружилась искомая бумажка. Вот только сколько заплатить певице-пенсионерке, я пока не знала. Ладно, послушаю, что она мне скажет. Может, ее информация яйца выеденного не стоит.

* * *

Когда Елизавета Артуровна открыла мне дверь своей квартиры, я поняла, что к нашей встрече она готовилась основательно. Прическа и макияж этой престарелой женщины были такими старомодно-праздничными, что вызывали улыбку. Платье заслуживало особого внимания, поскольку обнажало морщинистую область декольте. Что касается его смелой расцветки, то огромные оранжевые цветы были в тон губной помаде, а голубой фон – теням. Короче, вид у моей агентессы был предельно вульгарным и счастливым.

– Проходите, Татьяна Александровна.

Я прошла в квартиру, с трудом сдерживая эмоции. Уж не знаю, какую драматургию Елизавета Артуровна себе придумала, но она явно играла передо мной какую-то роль. Увы, в моем лице она не нашла благодарной зрительницы. Я попросила ее без всяких предисловий перейти к существу вопроса.

– Татьяна Александровна, а разве вам неинтересно, как именно я все разузнала?

– Меня больше интересует, что вы узнали, – прямо сказала я и тут же заметила, как агентесса сникла. На ее глаза даже навернулись слезы.

– Хорошо, я опущу кое-какие подробности. Да, эта молодая женщина, – Елизавета Артуровна ткнула пальцем в фотографию Верещагиной, оставленную мною у нее вчера, – действительно была здесь с визитом. Она приходила к одной квартирантке...

Зазвонил мой мобильник, и хозяйка квартиры замолчала, тяжело вздохнув.

– Алло, – ответила я.

– Здравствуйте, Таня, – сказал мой клиент. – Ко мне сейчас приходил Макс. Он крайне возмущен вашими подозрениями. Сын мне во всем признался. Да, он действительно был в парикмахерской, но это еще ни о чем не говорит. Мне кажется, вы должны выбросить тот инцидент из головы и искать настоящую причину Олиного исчезновения.

– Хорошо, я так и сделаю.

– Ну вот, я знал, что вы все поймете. Пожалуйста, держите меня в курсе дела. Сообщайте мне даже о самой незначительной информации, которая у вас появится. Чем больше времени

я нахожусь в неведении, тем ужаснее мои предчувствия. Поймите, не могла Оля просто так среди бела дня пропасть, не могла! С ней что-то случилось плохое, а я до вчерашнего дня практически бездействовал. Надо было в день ее исчезновения к вам обратиться, по горячим следам, а я обивал пороги милиции, но все без толку.

– Александр Станиславович, я обязательно обо всем буду вам докладывать, – пообещала я Писаренко, отключила мобильник и сказала агентессе: – Вот, начальство торопит, поэтому мне здесь засиживаться некогда. Итак, Елизавета Артуровна, что вам удалось узнать?

– Антонина Кочергина, из одиннадцатой, время от времени сдает свою квартиру. И вот у нее на несколько дней селилась одна гражданка, к ней Верещагина и приходила.

– Замечательно. А теперь давайте уточним детали. Что представляла собой эта гражданка и откуда она взялась? Это вы выяснили?

– Ну разумеется! Антонина давала объявление в газету, на него женщина и откликнулась. А газета называется «Кому что», – гордо заявила агентесса.

– Меня не интересует название газеты. Я хочу знать – откуда приехала гражданка и как ее фамилия?

– Минуточку. У меня все записано. Вот. – Елизавета Артуровна раскрыла маленький блокнотик и прочитала: – Кривцова Нина Степановна, приехала из поселка Светличный. Это, наверное, из того, что в сорока километрах от Тарасова.

– Наверное или точно?

– Не знаю. Антонина сказала, что она из Светличного, и больше ничего не уточнила. Это я уже сама домыслила.

– Ну хорошо, Светличный так Светличный. А ваша Антонина слышала, о чем разговаривали Верещагина с Кривцовой?

– Нет, они шушукались в комнате при закрытых дверях. Татьяна Александровна, я же вам говорила, что все наши жильцы – люди интеллигентнейшие. Тоня не прислушивалась к их разговору. Но ей показалось, что эти женщины – родственницы. Они внешне были чем-то похожи.

– А сколько лет Кривцовой?

– Около шестидесяти. Не исключено, что Нина Степановна – мать Верещагиной. Во всяком случае, разговаривали они на «ты».

– Так, вот это уже кое-что! Подведем итог. Значит, Верещагина три дня подряд приходила к квартирантке, приехавшей из поселка Светличный. Они вели разговоры, не предназначенные для чужих ушей, поэтому закрывались в комнате. Возможно, это были разговоры о делах семейных, потому что женщины внешне похожи, и Ольга может быть дочерью Нины Степановны. Так?

– Да, все так. Я справилась с заданием?

– Если бы вы передали содержание их разговора и узнали точный адрес Кривцовой, то я была бы вами более довольна. Может, Антонина записала паспортные данные своей жилищки?

– Нет, она просто пролистала паспорт, и все. Зачем записывать, если та всего на три дня остановилась? А насчет разговора с гостьей, то Тоня слышала только то, что какая-то Аленка собирается выходить замуж и наверняка возьмет фамилию мужа.

– Да, негусто. Это точно все? Может, еще что-то вспомните или мне самой с вашей Антониной поговорить?

– Ее сейчас нет дома, она в кукольном театре гардеробщицей работает. Да и вряд ли Тоня вам больше скажет, чем мне.

– Ладно, тогда будем считать, что этот вопрос исчерпан.

– Когда я могу подойти к вам в прокуратуру за вознаграждением?

– Никуда идти не надо. Я сейчас вам выдам двести рублей.

– А как же насчет подписи и все такое?

– Не волнуйтесь, у меня все с собой. – Я достала из сумки расходный ордер и подсунула его Елизавете Артуровне: – Вот здесь напишите сумму прописью и распишитесь.

Певица-пенсионерка была безумно рада даже таким небольшим деньгам, внезапно свалившимся на нее. Естественно, на бледную печать у обреза бланка она не посмотрела с пристрастием, сразу же заполнила ордер, а потом сказала:

– Знаете, у меня много свободного времени, и если у вас будет новое задание, то я всегда готова его выполнить. Обращайтесь в любое время. У меня огромный творческий потенциал...

– Хорошо, Елизавета Артуровна, мы это учтем. До свидания. – Я поспешила сразу же уйти от своей агентессы, дабы не слушать, как театрально она себя пиарит.

Откровенно говоря, информация, которую я получила от певицы, не пролила свет на обстоятельства дела. Ясно было только то, что у Ольги имелась какая-то тайна, которую она скрывала от Писаренко. Верещагина врала своему любовнику, но почему? Она же могла сказать Александру, что встречается с родственницей, но Олечка предпочла завуалировать свои походы на чужую квартиру во внерабочее время, сославшись на дополнительный заработок на дому у клиентки. Кроме того, Верещагина говорила, что ни одна живая душа не знает, где она обосновалась, но оказалось, что Нине Степановне Кривцовой известно ее новое место жительства. Значит, эти женщины как-то поддерживали связь. Скорее всего, писали друг другу письма до востребования. Что же подвигло их встретиться? Свадьба некой Аленки? Не факт. А что тогда? Жаль, что интеллигентная Антонина не стала подслушивать их разговоры. Честное слово, я больше люблю неинтеллигентных бабушек, таких, у которых ушки на макушке и которые везде суют свои длинные носы!

Я уже хотела поехать в поселок Светличный, который находится недалеко от Тарасова, чтобы выяснить, не проживает ли там гражданка Кривцова, но мне позвонил Кирьянов.

– Здравствуй, Танюша, – сказал он, и по одному только этому приветствию я поняла, что у него есть для меня какая-то информация.

– Привет! Что интересного скажешь?

– А вот и скажу! Адресок Верещагиной Ольги Петровны. Одна гражданочка с таким именем и днем рождения действительно зарегистрирована в Оренбургской области. Записывай – поселок Светличный, улица Коммунаров, дом сорок девять. Кстати, она восемьдесят второго года рождения.

– То есть ей около двадцати пяти, а мне сказали, что выглядит она на тридцать.

– Ну знаешь, на пять лет легко можно ошибиться...

– Да, конечно.

– Во всяком случае, другой Верещагиной с таким именем и отчеством, родившейся двадцать восьмого марта, да еще зарегистрированной в Уральском регионе, у меня нет. Что-то не так?

– Нет, Володенька, не переживай, все так, тем более что поселок Светличный у меня уже засветился. Светличный засветился, – повторила я. – Надо же, какой каламбурчик получился! Только боюсь я, что мне придется в эту глухомань ехать. А это меня совершенно не воодушевляет.

– Да, сочувствую тебе. Я тут по карте посмотрел – Светличный недалеко от границы с Казахстаном. Предполагаю: дыра дырой.

– А ты еще спрашиваешь, что не так! Все не так, все! Если б ты знал, как я туда не хочу ехать! Да и дело так себе, ничего интересного. Думаю, просто Олечка сбежала в Тарасов от каких-нибудь семейных проблем, теперь все наладилось, вот она обратно и махнула.

– Вот и расскажи об этом клиенту, тем более что ничего криминального за ней не числится. Если он так хочет, пускай сам едет в Светличный и забирает свою подружку обратно.

– А это мысль! – обрадовалась я. – Хотя мой клиент – человек занятой, хирург... Он уж и так все операции на этой неделе отменил из-за личных переживаний. Он страдает, а жизнь

пациентов висит на волоске... Придется самой паковать чемоданы и трогать в путь. Кстати, ты не знаешь, поезда туда ходят?

– До Оренбурга, конечно, ходят, а вот как дальше – не знаю.

– Ладно, Володя, не буду загружать тебя своими проблемами. Спасибо за информацию.

Премию твоему Синичкину я выпишу...

– Не переживай, он подождет, тем более что у нас зарплата вчера была. Ты, Таня, если поедешь в этот Светличный, ни во что там не ввязывайся, – по-отечески позаботился обо мне Кирия. – Я ведь здесь останусь, поэтому ничем помочь тебе не смогу.

– Жаль, а то, может, возьмешь отгул и со мной махнешь? – сострила я. – Вместе веселее будет.

– Я бы с удовольствием, но начальство не отпустит. Береги себя. Целую. Удачи!

Нельзя сказать, что это дружеское напутствие вдохновило меня, но я понимала, что от поездки к черту на кулички не отвертеться. Тем более и гадальные двенадцатигранники вчера предвещали мне путешествие. Что они там конкретно говорили? Я напрягла свои мозговые извилины и вспомнила точную трактовку числовой комбинации: «Начнутся хлопоты, связанные с подготовлением к путешествию. Пусть ваши планы соответствуют вашим возможностям. Только смотрите в оба, чтобы пришедшая радость не сменилась огорчением».

Хлопоты! Какие тут могут быть хлопоты? Все-таки не на средиземноморский курорт собираюсь! О гардеробе можно особо не беспокоиться. Да и вообще, не поехать ли мне туда на своей машине? Нет, это не вариант – по весенней распутице на моей «девятке» далеко не уедешь. Лучше уж поездом, а потом автобусом. Да, покупка билета – это, конечно, хлопотное занятие. Но вот как насчет того, чтобы планы соответствовали возможностям? Всегда они соответствуют. Достаточно оглянуться на мои предыдущие расследования – ни одно не провалила, ни одно! Теперь про эмоции. Радость двенадцатигранники мне однозначно предвещают, а вот огорчение – под вопросом. Только от меня самой будет зависеть, появится ли повод для того, чтобы огорчаться.

Разобрав гадание буквально по «косточкам», я поняла, что поездка на Нижний Урал мне предначертана судьбой, поэтому от нее не отвертеться, как бы мне ни хотелось ее избежать. Вернувшись домой, я сварила кофе, еще раз взвесила всю полученную информацию, а уже потом позвонила Писаренко. Мы договорились с ним о встрече.

* * *

Примерно через час я уже сидела дома у моего клиента и бесстрастным голосом выкладывала факты:

– Так вот, эта Нина Степановна приехала из Светличного, нет, не из того, что неподалеку от Тарасова, а из Оренбургской области. И место Олиной регистрации – там же. Так что все ниточки ведут в отдаленный район Оренбургской области.

– Вам надо туда поехать, – сразу сказал хирург, который по-прежнему не желал мучиться неопределенностью. – Я бы и сам съездил, познакомился с ее родными, если таковые есть, но у меня работа.

– Александр Станиславович, может случиться так, что Ольга не захочет возвращаться в Тарасов. Вы готовы к подобному повороту событий?

– Таня, мы жили с Олей около года, и я не верю, что она могла просто так взять и бросить меня. Тем более все ее вещи остались здесь. Как она радовалась новой дубленке, туфлям, сумочке! И что, вот так все оставить, бросить и уехать, ни слова не говоря, в богом забытый уголок, к мужу-тирану? Это выше моего понимания.

– Официально Ольга Верещагина не замужем, и вообще, ей двадцать пять лет, а не тридцать.

– От переживаний кто угодно постареть может, а есть штамп в паспорте или его нет – это тоже ничего не значит. Таня, я очень прошу вас, поезжайте в Оренбургскую область сегодня же, если есть подходящий рейс. Я прямо сейчас готов выдать вам любую сумму, которую вы мне назовете, на командировочные и представительские расходы.

– Хорошо, я поеду на родину Ольги, – сказала я и запросила весьма внушительную сумму.

Писаренко несколько опешил, услышав цифры, но на этот раз не стал возражать и дал мне столько денег, сколько я хотела. Только радости особой по этому поводу не было. Сдержанно поблагодарив клиента, я убрала пачку в сумку.

– Вы можете прямо отсюда позвонить на вокзал, – Александр Станиславович снял телефонную трубку, набрал номер справочной и передал трубку мне.

После нескольких вопросов я выяснила, что ближайший рейс на Оренбург – поздно вечером, причем это проходящий поезд, следующий с юга в Сибирь. Мне с трудом хватило самообладания, чтобы не выругаться вслух. Не привлекала меня такая перспективка, совершенно!

– Татьяна, вот видите, как хорошо – вы вполне успеете собраться в дорогу. Думаю, с билетами проблем не возникнет. Звоните мне оттуда как можно чаще. Там, наверное, холоднее, чем у нас, возьмите с собой теплые вещи, – заботливо посоветовал клиент, и я ему мило улыбнулась.

Думаю, он даже не догадывался, каких усилий мне стоила эта улыбка. На самом деле мне хотелось взвыть от отчаяния. И почему это я не отказала Писаренко при первой встрече! Наверное, его обаяние меня подкупило. Вот теперь, Танечка, и не ной! На Урал так на Урал...

От клиента я поехала прямо на вокзал, за билетами. Там меня ждал очередной сюрприз. На нужный мне поезд не было билетов ни в купе, ни в СВ, пришлось взять плацкарту, причем верхнюю полку. Путешествие обещало стать незабываемым. Хотя если посмотреть на эту поездку с другой стороны, то в ней были свои прелести – мне предоставлялся незапланированный выходной. Лежишь себе на полочке, читаешь какой-нибудь детективчик, разгадываешь кроссворды, смотришь в окошко на бескрайние степи... Романтика дальних странствий, задушевные разговоры со случайными попутчиками... Когда еще представится такой случай!

Вернувшись домой, я стала собирать дорожную сумку. Правда, вначале долго и упорно я искала ее по всей квартире. Уф, все-таки нашла! Признаюсь, я прислушалась к совету доктора Писаренко и первым делом положила в нее теплый свитер крупной ручной вязки. Подхватить в командировке банальный насморк мне совсем не хотелось. А вот прислушиваться к рекомендациям Володьки Кирьянова я не собиралась. Что значит – ни во что не ввязываться? Я же не на экскурсию в этот Светличный собиралась! Так, надо захватить с собой разные шпионские приамбасы.

Сборы заняли больше времени, чем можно было предположить. Я серьезно рисковала опоздать на поезд, потому что по пути мне надо было забежать в магазин за сухим пайком и прессой, а потом еще пристроить свою «девятку» на какой-нибудь стоянке около вокзала. Короче, в вагон я запрыгнула в последнюю минуту, и никто не проводил меня в путь-дорогу, никто не помахал мне вслед платочком и не побежал по шпалам за поездом, утирая рукавом со щек слезы расставания.

С попутчиками мне откровенно не повезло. Нижние полки занимали две толстые тетки, завалившие домашней провизией весь столик. На мое появление в вагоне они никак не отреагировали. Женщины с таким аппетитом поглощали килограммы еды, что мне показалось – они вот-вот лопнут. Однако это «вот-вот» никак не наступало, а из полиэтиленовых пакетов на стол выкладывались все новые и новые продукты. Я представила себе, как бледно буду выглядеть здесь со своим «Анакомом», поэтому решила отказаться от ужина – подарить его гипотетическому врагу.

На верхней полке отчаянно храпел какой-то здоровенный мужик, его ноги свешивались вниз, а носки издавали умопомрачительную вонь, которая, впрочем, никак не влияла на аппе-

тит дородных тетушек. На боковушках ехали две узкоглазые девчонки, они громогласно разговаривали на каком-то непонятном мне языке и периодически заливались истеричным хохотом. Веселая компания, ничего не скажешь.

Терпение, Таня, и еще раз терпение. Это не самое страшное по сравнению с тем, что тебя может ожидать впереди.

Короче, мне не оставалось ничего другого, как лечь на свою полку, отвернуться к стенке, надеть наушники плеера и расслабиться под звуки любимых мелодий. Дорога-то предстояла неблизкая. Маршрут Тарасов – Оренбург был примерно такой же длинный, как путь через Житомир в Пензу.

Глава 5

Когда утром я проснулась, то тетеньки с нижних полок уже завтракали. Хотя в мою душу закралось подозрение, что их молчаливое чревоугодие длилось всю ночь. Во всяком случае, вид у моих попутчиц был изрядно подуставший, даже измученный. Неужели им было невдомек, что лучше недоест, чем переест? Недаром же кошки съедают мышек, а не наоборот. Каждая тетка, наверное, съела по слону.

Здоровяк в грязных носках все еще спал, а веселушки с боковушек уже бормотали что-то на своем языке и хохотали. И вот в такой разношерстной компании я провела весь день. Растрачивать свое красноречие было просто-напросто не на кого. Пейзаж за окнами тоже не радовал – бескрайние поля и степи с черными проталинами. Никакой романтики дальних странствий. Только жажда истины, которая подвигла меня на такое малокомфортабельное путешествие, помогала мне не впасть в депрессию.

В Оренбург я приехала ночью. До Светличного надо было еще добираться на автобусе, а ближайший рейс – только в шесть утра. Пришлось просидеть несколько часов в зале ожидания. Я даже вздремнула, прислонив голову к колонне, но хорошо, что завела будильник в мобильнике, иначе бы проспала автобус.

Эта часть дороги была еще более унылой. Впрочем, когда городской асфальт остался позади, дороги, как таковой, уже не было, осталось только направление на Светличный. Как его угадывал водитель, было для меня загадкой. Хорошо, что я не рискнула ехать в командировку на своей тачке, обязательно бы где-нибудь заблудилась и нашла бы себе дополнительные приключения.

Мы долго тащились прямо по полям, раскисшим от мокрого снега и искореженным многочисленными ямами и рытвинами. Населенные пункты, мимо которых мы иногда проезжали, казались совершенно безжизненными. Периодически я задавала себе один и тот же вопрос: «Таня, куда ты едешь?» Было предчувствие, что Ольги Верещагиной в Светличном нет и быть не может. Тарасов, конечно, не столица, но все-таки областной центр в европейской части России. После него снова забираться в такую глушь на рубеже двух сторон света уже не захочется.

– Девушка, а вы в Светличный едете или дальше? – спросил мужчина, сидевший рядом со мной.

– Да, именно туда, – ответила я, мельком взглянув на своего попутчика. Его лица я особенно не разглядела, только отметила про себя, что ему уже за пятьдесят. – Еще долго?

– Примерно час, если нигде не застрянем. Позвольте полюбопытствовать, какова цель вашей поездки?

– Служебная командировка, – сказала я, и это была истинная правда.

– На мясокомбинат?

– Что? А, да, на мясокомбинат.

– Понятно. А я вот в Оренбург к сыну в гости ездил, у меня внук родился...

– Поздравляю.

Истосковавшись по живому общению, я с удовольствием поддержала разговор с попутчиком. Остаток пути пролетел незаметно. Юрий Борисович, так его звали, подсказал мне, где находится единственная в поселке гостиница «Уралочка», туда я сразу же и направилась.

Администраторша с самым серьезным видом смотрела по телевизору юмористическую передачу и одновременно ела немислимо многослойный бутерброд. Мне приходилось только удивляться, как может так широко открываться ее рот.

– Девушка, – обратилась я к уже далеко не молодой женщине. – Свободные номера есть?

Никакой реакции на мой вопрос не последовало. Зато плоские шутки известного юмориста заставили-таки администраторшу громогласно расхохотаться. Насмеявшись вволю, она

взглянула на меня одним глазком и сообщила, как бы между делом, что имеются только четырехместные номера. Чего-то в этом роде я и ожидала, поэтому положила на стойку новенькую банкноту. Существуют такие рабочие места, которые поневоле делают тех, кто на них сидит, взяточниками. Наглядный пример тому – администраторы гостиниц. Тетка тут же схватила сотку и радостно сообщила:

– Да, кажется, сегодня люкс освободился. Заполняй карточку!

Я взяла бланк и подумала о том, что не стоит отвечать на вопросы со всей откровенностью. Кто знает, какую славу я о себе здесь оставлю! Возможно, кто-то помянет меня далеко не добрым словом и даже захочет потом отыскать, чтобы вызвать на матч-реванш. Администраторше кто-то позвонил, и телефонный разговор сильно увлек ее, поэтому у меня закралось подозрение, что она в силу своей крайней занятости не будет сличать заполненную анкету с моим паспортом. В общем, я позволила себе некоторые вольности, заполняя типовой бланк, и сделала это не зря. Администраторша толком и не взглянула на эту бумажку, назвала сумму, которую мне следовало заплатить, и бросила на стойку ключ. Я облегченно вздохнула, но моя радость была преждевременной.

Никаким люксом в номере, предоставленном мне за взятку, даже и не пахло. Грязные ободранные обои в цветочек, штукатурка, грозившая в любой момент свалиться с потолка, и огромные щели в окнах – все это откровенно застало меня врасплох. Сначала я хотела спуститься к администраторше и потребовать у нее действительно люкс, но потом передумала, точнее, поняла, что его здесь в принципе не существует. Хорошо, что номер был рассчитан на одного человека, и, кажется, с удобствами. Я открыла дверь и убедилась, что за ней на самом деле находится санузел, а не пустая кладовка.

Таня, все не так уж и плохо. Сейчас ты примешь душ, переоденешься, позавтракаешь, а потом отправишься на поиски улицы Коммунаров.

Увы, горячей воды в кране не оказалось. Впрочем, надеяться на комфорт в этом «доме колхозника» было в высшей степени неблагоприятно. Спокойствие, Таня, только спокойствие...

Я долго уговаривала себя не заморачиваться на бытовых проблемах и все-таки уговорила. Помог мне в этом банальный голод. Я переделалась и спустилась в столовую, расположенную на первом этаже здания, но позавтракала там без всякого удовольствия. Меню было скудным, к тому же атмосфера была пропитана тошнотворным запахом прогорклых чебуреков и дешевых сигарет. Но каких изысков можно ожидать от третьесортной забегаловки? Правильно, никаких.

Ровно в одиннадцать ноль-ноль я приступила к работе – стала искать адрес, который мне дал Кирьянов.

Улица Коммунаров начиналась от центральной площади и тянулась почти до окраины Светличного. Ни общественного транспорта, ни такси я не заметила, поэтому пошла до сорок девятого дома пешком. Каждый раз, неизбежно ступая в грязь, я мысленно просила прощения у своих новеньких замшевых полусапожек. Они были куплены в дорогом тарасовском бутике, и я клялась, что больше не буду так нещадно их эксплуатировать, а потому приобрету в ближайшем обувном магазине что-нибудь попроще, например, резиновые сапоги, а лучше – ботфорты. Местные жители именно такую обувь и предпочитали. Когда я подошла к нужному дому, то уже невозможно было определить, из какого материала сделаны мои полусапожки – вся замша была щедро заляпана грязью, кроме того, забрызгались даже вельветовые капри. И почему же ни один советчик не предупредил меня, что здесь будет так грязно?

На мой звонок в дверь никто не откликнулся, но для порядка я постучала в окно:

– Хозяева! Есть кто дома?

– Чего стучишь? Нет там никого, – буркнула проходившая мимо тетка.

– Простите, можно вас на минуточку?

– Чего надо-то? – не слишком дружелюбно спросила женщина, но остановилась.

– Скажите, здесь проживает Ольга Петровна Верещагина?

– Ну, здесь.

– А вы не подскажете, где она сейчас?

– Как где? На работе, конечно.

– А где она работает?

– В маџзине, – ответила прохожая, сделав ударение на втором слоге.

– В каком? Как туда пройти?

– А ты кто такая будешь? – Женщина подозрительно окинула меня с головы до ног. – Я смотрю, ты вроде не местная...

– Да, я приехала из Оренбурга, – стала сочинять я, но вдохновения особого при этом не испытывала. – Мы там с Олей вместе...

– Учились, что ли? – предположила моя собеседница и впервые скупно улыбнулась.

– Да, учились, а теперь меня сюда в командировку прислали, на мясокомбинат, и я хотела встретиться с подружкой, поболтать о том о сем...

– Ну, тогда иди прямо, потом повернешь налево и увидишь новый универмаг. Оля там в отделе белья работает.

– Спасибо, – сказала я и пошла в магазин, размышляя над тем, почему Верещагина, вернувшись на родину, не стала работать маникюршей.

Наверное, здесь эта профессия совсем не востребована. Действительно, какой маникюр среди такой грязи! Я с ужасом посмотрела на свои ноги, пытаюсь сообразить, смогу ли отмыть полусапожки. Откровенно говоря, мне было даже стыдно заходить в универмаг, но другие покупатели не смущались оставлять за собой грязные следы, поэтому я тоже рискнула и зашла в магазин, предварительно потоптавшись на крыльце.

Меня почему-то совершенно не волновало, что я скажу Ольге. Более того, мне даже не верилось, что через несколько минут я окажусь лицом к лицу с уралочкой, оставившей неизгладимый след в душе известного тарасовского хирурга.

Продавщица в отделе женского белья встретила меня самой благожелательной улыбкой. На девушку с фотографии, лежавшей в моей сумке, она совсем не была похожа. Да и на бейдже, приколотом к черному пиджаку, значилось другое имя – Руфина.

– Простите, а Ольга Верещагина сегодня работает?

– Да, в отделе постельного белья. Это на втором этаже.

– Спасибо, – ответила я и пошла к лестнице.

Верещагину я увидела еще издалека, а когда подошла ближе, то убедилась, что эту продавщицу зовут Ольгой. Она была жива, здорова, прекрасно выглядела, и никакой грусти в ее глазах не наблюдалось. Напрасно Александр Станиславович тревожился за нее, придумав себе какие-то страшилки о муже-тиране.

– Чем я могу вам помочь? – спросила меня продавщица, и я заметила, как перламутрово заблестели ее ровные зубки.

Подумать только, из-за этой смазливой красотки я ехала в такую даль! Может, купить у нее на память пару наволочек? А почему только наволочки? Таня, бери весь комплект постельного белья, он тебе долго будет напоминать об этой дальней поездке.

– Девушка...

– Да, я слушаю вас.

– Вы – Верещагина Ольга Петровна?

– Ну да, – растерянно улыбнулась продавщица. – Разве мы знакомы?

– Нет, но я приехала к вам издалека, аж из Тарасова, – сказала я, но не заметила на лице моей визави бурной реакции. – Привезла вам привет от Александра Станиславовича Писаренко...

– Это какая-то ошибка. Я никогда не была в Тарасове и Писаренко тоже не знаю.

А эта подруга не так проста, как кажется на первый взгляд! Писаренко она не знает! В Тарасове никогда не была! Врет и даже не покраснеет!

– Простите, а где вы были десять дней назад? Разве не в Тарасове?

– Конечно же, нет! Я уже давно никуда не ездила. Девушка, вы будете что-нибудь покупать? У нас сейчас распродажа махровых простыней. Скидка – пятнадцать процентов. Рекомендую вот такую расцветку, – Ольга положила на прилавок ярко-лимонную простыню, и я невольно бросила взгляд на ее ногти.

А маникюрчик-то непрофессиональный! Здесь явно что-то не то! На лицо они вроде бы похожи, но этой действительно лет двадцать пять, не больше, а той, которую я ищу, должно быть около тридцати. Может быть, они сестры? Но почему тогда их зовут одинаково?

– Оля, простите меня за назойливость, но у вас, наверное, есть старшая сестра?

– Нет у меня сестры, ни старшей, ни младшей, и братьев у меня тоже нет. Что вам от меня надо?

– Что здесь происходит? – послышалось за моей спиной. Я оглянулась и увидела крепкого, но невысокого мужчину лет тридцати пяти. Наверное, это был хозяин магазина. Он сурово посмотрел на продавщицу и повторил свой вопрос: – Ольга, так что здесь происходит?

– Вадим Григорьевич, то ли эта девушка меня с кем-то перепутала, то ли голову мне морочит, чтобы товар украсть.

От нелепости этого заявления я едва не поперхнулась. Меня, частного детектива, в прошлом сотрудницу прокуратуры, хотели обвинить в краже китайских простынок! А что это Верещагина вдруг так занервничала и перешла от обороны в наступление? Не иначе, ей есть что от меня скрывать.

– Так, девушка, – сказал мужчина, – если вам нужен этот товар, то оплачивайте его, а не нужен, так пройдите на выход. Не морочьте никому голову! Знаем мы таких...

– Каких? – спросила я с вызовом.

– Ну... это... очень умных.

– Вадим Григорьевич, а можно с вами поговорить? – Я решила выяснить у него, действительно ли Верещагина безвылазно сидела в Светличном.

– О чем? – удивился хозяин универсама и обвел взглядом продавщиц и покупателей, сгрудившихся вокруг нас.

– Понимаете, это приватный разговор...

– Так, все идите работайте! Поговорить? – Вадим Григорьевич посмотрел на меня снизу вверх, немного подумал и сказал: – Некогда мне разговоры разговаривать. Покиньте универсам! Иначе я позову охранника!

Таня, а здесь твоему появлению не рады, и это даже несмотря на вялотекущий процесс купли-продажи! Дорогая, неужели ты рассчитывала произвести фурор в этом захолустье? Конечно, рассчитывала. Наивная, посмотри на себя в зеркало – видок, мягко говоря, помятый. Да уж, прически никакой, ноги в грязи...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.